

ХОББХАУС

ЛИБЕРАЛИЗМ

Леонард Хобхаус

Либерализм

«Автор»

2026

Хобхаус Л. Т.

Либерализм / Л. Т. Хобхаус — «Автор», 2026

Классический труд британского философа и социолога Леонарда Трелони Хобхауса (1864-1929), впервые опубликованный в 1911 году. Книга прослеживает развитие либеральной мысли от борьбы за гражданские свободы и веротерпимость до идей социальной справедливости и активной роли государства. Хобхаус показывает, как либерализм эволюционировал от принципа невмешательства к концепции позитивной свободы. Первый перевод на русский язык.

© Хобхаус Л. Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава I. До либерализма	5
Глава II. Элементы либерализма	10
Глава III. Движение теории	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Леонард Хобхаус

Либерализм

Л. Т. Хобхаус

Перевод с английского В. И. Попова

Глава I. До либерализма

Современное государство есть характерный продукт уникальной цивилизации. Однако это продукт, который всё ещё находится в процессе становления, и частью этого процесса является борьба между старыми и новыми принципами общественного устройства. Чтобы понять новые, а это наша главная задача, мы должны сначала бросить взгляд на старые. Нам необходимо понять, что представляла собой та общественная структура, которая, главным образом, как я покажу, под влиянием либеральных идей, медленно, но верно уступает место новому зданию гражданского государства.

Прежняя структура сама по себе отнюдь не была примитивной. Что является истинно первобытным, сказать очень трудно. Но одно достаточно очевидно. Во все времена люди жили в обществах, и узы родства и простого соседства лежат в основе всякой формы общественной организации. В простейших обществах, по-видимому, именно эти узы, подкреплённые и расширенные, возможно, религиозными или иными верованиями, единственные, которые действительно имеют значение. Несомненно, что из основы происхождения и утка межродовых браков соткана ткань, из которой складываются небольшие и грубые, но тесные и сплочённые сообщества.

Однако узы родства и соседства действительны лишь в узких пределах. В то время как местная группа, клан или сельская община часто являются средоточием кипучей жизни, более крупное объединение, племя, редко достигает подлинного общественного и политического единства, если оно не опирается на военную организацию. Но военная организация может служить не только тому, чтобы удерживать одно племя вместе, но и тому, чтобы подчинять другие племена, и тем самым, ценой утраты многого из наиболее ценного в первобытной жизни, устанавливать более обширное и одновременно более упорядоченное общество.

Раз установившийся подобный порядок, однако, держится не на голой силе. Правители облакаются священной и неприкосновенной властью. Быть может, они боги или потомки богов. Быть может, они получают благословение и поддержку независимого жречества. В обоих случаях существующие власти распространяют своё господство не только над телами, но и над умами людей. Они помазаны Богом, потому что сами распоряжаются помазанием. Такое правление не обязательно ненавистно народу и не обязательно безразлично к нему. Но по своей сути это правление сверху. В той мере, в какой оно вообще затрагивает жизнь народа, оно делает это путём наложения на него обязанностей: воинской службы, податей, предписаний и даже новых законов, таким образом и на таких основаниях, какие представляются благами ему самому. Неверно, как утверждала одна школа юриспруденции, что закон как таковой есть приказ, навязанный высшим низшему и подкреплённый санкцией наказания. Однако хотя это неверно в отношении права вообще, это достаточно точное описание права на той конкретной стадии развития общества, которую мы можем для удобства назвать авторитарной.

На протяжении большей части мировой истории и в большей части мира два выделенных нами типа общественной организации были единственными из существовавших. Разумеется, каждый из них допускает всевозможные вариации в деталях, но если заглянуть глубже этих вариаций, мы обнаружим два повторяющихся типа.

С одной стороны, существуют малые родственные группы, нередко вполне жизнеспособные сами по себе, но слабые для целей совместного действия. С другой стороны, существуют более крупные общества, варьирующиеся по размеру и степени цивилизованности от мелкого негритянского королевства до Китайской империи. Они покоятся на определённом союзе военной силы и религиозных или квазирелигиозных верований; этот союз мы, выбирая нейтральное название, назвали принципом Авторитета [Прим. пер.: у автора Authority — принцип, согласно которому власть легитимна в силу своего положения, а не по воле управляемых].

На низших ступенях цивилизации, как правило, существует лишь один способ подавить распри враждующих кланов, защитить рубежи от общего врага или установить элементы внешнего порядка. Альтернатива авторитарному правлению — это возврат к относительной анархии дикарской жизни.

Но в классической древности появился иной метод. Город-государство Древней Греции и Италии стал новым типом общественной организации. Он отличался от клана и общины в нескольких отношениях. Во-первых, он включал в себя множество кланов и деревень и, вероятно, обязан своим возникновением объединению отдельных кланов на основе не завоевания, а сравнительно равноправного союза. Хотя город-государство был очень мал по сравнению с древней империей или современным государством, он был значительно крупнее первобытной родовой группы.

Его жизнь была более разнообразной и сложной. Он предоставлял больше свободы отдельному человеку и, развиваясь, даже упразднил старую клановую организацию, заменив её новыми делениями, территориальными или иными. В основе его лежало, по сути, не родство как таковое, а гражданское право, и именно это отличало его не только от общины, но и от восточной монархии. Закон, который он признавал и которым жил, не был приказом, навязанным правящей верхушкой подвластной массе. Напротив, само правительство подчинялось закону, а закон был жизнью государства, добровольно поддерживаемой всем корпусом свободных граждан. В этом смысле город-государство был сообществом свободных людей. Взятые вместе, его граждане не знали над собой господина. Они управляли собой, подчиняясь лишь принципам и правилам жизни, унаследованным от древности и обязанным своей силой добровольной верности сменяющихся поколений.

В таком сообществе некоторые из наиболее мучительных для нас проблем представляли в весьма простом виде. В частности, отношения между личностью и сообществом были близкими, непосредственными и естественными. Их интересы были очевидным образом связаны воедино. Если бы каждый не исполнял свой долг, государство легко могло быть уничтожено, а население обращено в рабство. Если бы государство не заботилось о своих гражданах, оно легко могло прийти в упадок. И что ещё важнее: не существовало противостояния церкви и государства, не было разлома между политической и религиозной жизнью, между притязаниями мирского и духовного, который раздваивал бы верность граждан и противопоставлял авторитет совести обязанностям патриотизма. Описать такое сообщество как объединение людей ради благой жизни было не подвигом философского воображения, а вполне простым и естественным выражением фактов. Идеалы, к которым мы с трудом и сомнениями пробиваемся обратно, естественно выросли из условий жизни в Древней Греции.

С другой стороны, эта простая гармония имела весьма серьёзные ограничения, которые в конечном счёте повлекли за собой крушение полисной системы. Ответственность и привилегии общественной жизни основывались не на правах человеческой личности, а на правах гражданства, а гражданство никогда не совпадало с населением в целом. Население включало рабов или крепостных, а во многих городах существовали многочисленные слои, происходившие от первоначального покорённого населения: лично свободные, но отстранённые от правящего круга.

Несмотря на относительную простоту общественных условий, город постоянно раздирался борьбой группировок, отчасти, вероятно, наследием старой клановой организации, отчасти следствием роста богатства и новых классовых различий. Положение ухудшалось тем, что городская организация не могла справиться с проблемой межгосударственных отношений. Греческий город цеплялся за свою автономию, и хотя принцип федерализма, который мог бы решить проблему, был в конце концов задействован, он пришёл слишком поздно в истории Греции, чтобы спасти нацию.

Созидательный гений Рима изобрёл иной способ решения политических проблем, порождаемых расширяющимися связями. Римское гражданство расширялось до тех пор, пока не охватило всю Италию, а позднее, пока не включило в себя всё свободное население Средиземноморского бассейна. Но это расширение оказалось ещё более губительным для свободного самоуправления города-государства. Население Италии не могло собраться на Форуме Рима или на Марсовом поле, чтобы избирать консулов и принимать законы, и чем шире распространялось гражданство, тем менее ценным для каких бы то ни было политических целей оно становилось.

История Рима, в сущности, могла бы послужить грандиозной иллюстрацией того, как трудно построить обширную империю на каком-либо основании, кроме личного деспотизма, опирающегося на военную силу и поддерживающего мир и порядок посредством эффективной бюрократической машины. В этом колоссальном механизме средоточием власти была армия; а точнее, каждая армия на своём посту на какой-нибудь далёкой границе была потенциальным средоточием власти. «Секрет империи», рано ставший явным, состоял в том, что императора можно было провозгласить и не в Риме [Прим. пер.: аллюзия на выражение Тацита **arcanum imperii**]. И хотя за личностью императора сохранялась определённая сакральность, а правоведы хранили смутное воспоминание о теории, согласно которой он воплощал народную волю, в действительности он был ставленником могущественной армии, утверждённым богом битв и удерживающим власть до тех пор, пока мог подавлять любого соперника-претендента. Распад Империи вследствие непрекращающихся военных усобиц был ускорен, но не вызван присутствием варварства как внутри, так и за пределами её рубежей. Для восстановления элементов порядка требовался компромисс между центральной и местной юрисдикцией, и вассал становился местным правителем, признающим верность далёкому суверену в большей или меньшей степени, смотря по обстоятельствам.

Между тем в условиях царившего повсюду беспорядка основная масса населения Западной Европы утратила свободу, отчасти через завоевание, отчасти из-за необходимости искать покровителя в смутные времена. Общественная структура Средних веков соответственно приняла иерархическую форму, которую мы называем феодальной системой. В этом доведённом до логического завершения воплощении принципа авторитета каждый человек, теоретически, имел над собой господина. Крепостной держал землю от своего лорда, тот от крупного сеньора, тот от короля. Король, согласно более полной версии этой теории, держал власть от императора, который получал корону от Папы, а тот от Святого Петра. Цепочка нисхождения была полной: от Вседержителя до последнего из крепостных.[1]

Однако внутри этого порядка рост ремёсел и торговли породил новые очаги свободы. Города, в которых люди заново усваивали уроки объединения для совместной обороны и устройства общих дел, получали хартии прав от сеньора или короля, а на континенте даже добивались полной независимости. Даже в Англии, где со времён Нормандского завоевания центральная власть была сильнее всего, корпоративные города стали во многих отношениях самоуправляющимися сообществами.

Город-государство возродился, и вместе с ним пришёл всплеск деятельности: возрождение литературы и искусств, повторное открытие античного знания, новое рождение философии и науки.

Средневековый город-государство превосходил античный в том отношении, что рабство не было необходимым элементом его существования. Напротив, принимая беглых крепостных и отстаивая их свободу, он мощно способствовал упадку более мягкой формы несвободы. Но, подобно античному государству, он был серьёзно и постоянно ослаблен внутренней борьбой группировок, и, подобно античному государству, он основывал привилегии своих членов не на правах человеческой личности, а на обязанностях гражданства.

Он знал не столько свободу, сколько «вольности»: права корпораций, закреплённые хартией; собственные права города как целого, гарантированные от посягательств короля или феодала и остального мира; права гильдий и ремесленных цехов внутри него; а права мужчин и женщин лишь постольку, поскольку те являлись членами подобных объединений.

Но подлинная слабость города-государства заключалась опять-таки в его изолированности. Он был лишь островком относительной свободы на границах или даже внутри феодального общества, которое с каждым поколением набирало силу. По мере улучшения путей сообщения и развития практических искусств центральная власть, особенно во Франции и Англии, начала брать верх над своими вассалами.

Феодальное своеволие и беспорядок были подавлены, и к концу XV века крупные объединённые государства, ставшие основой современных наций, уже существовали. Их возникновение повлекло за собой расширение и в некоторых отношениях улучшение общественного порядка; на ранних стадиях оно благоприятствовало городской автономии, подавляя местную анархию и феодальные привилегии. Но рост централизации в конечном счёте оказался несовместим с духом городской независимости и опасен для тех элементов политических прав, которые были завоёваны для населения в целом в результате прежних конфликтов между короной и её вассалами.

Таким образом, в Новое время мы вступаем с обществом, устроенным на вполне авторитарных началах: королевская власть верховна и тяготеет к произвольному деспотизму, а ниже короля простирается общественная иерархия от крупного земельного магната до подёнщика. По сравнению с более ранними формами общества достигнуто одно завоевание: основание пирамиды составляет класс, который по крайней мере пользуется личной свободой.

Крепостничество фактически исчезло в Англии, а в большей части Франции либо сошло на нет, либо свелось к некоторым тягостным повинностям, связанным с земельным держанием. С другой стороны, в Англии уже начался отрыв крестьянина от земли, заложивший основу будущей социальной проблемы, какой ей суждено предстать в этой стране.

Итак, современное государство отталкивается от авторитарного порядка, и протест против этого порядка, протест религиозный, политический, экономический, социальный и нравственный, есть историческое начало либерализма. Таким образом, либерализм предстаёт поначалу как критика, порой даже как разрушительная и революционная критика. Его негативная сторона на протяжении столетий остаётся главенствующей. Его задачей представляется не столько созидание, сколько разрушение: устранение препятствий, стоящих на пути человеческого прогресса, а не указание позитивной цели стремлений или возведение здания цивилизации. Он застаёт человечество угнетённым и стремится его освободить. Он видит народ, стонущий под произвольным правлением, нацию в порабощении у завоевателей, промышленное предприятие, стеснённое сословными привилегиями или подорванное налогами, и предлагает избавление. Повсюду он снимает давящий груз, сбивает оковы, расчищает завалы.

Но делает ли он столько же для того восстановления, которое потребуется, когда снос будет завершён? Является ли либерализм по существу своему созидательным принципом или лишь разрушительным? Имеет ли он непреходящее значение? Выражает ли он какую-то жизненную истину общественной жизни как таковой, или это временное явление, вызванное к жизни особыми обстоятельствами Западной Европы, и его работа уже настолько завершена, что он может довольствоваться передачей факела более новому и более созидательному прин-

ципу, сам же сойти с дистанции или, быть может, искать более отсталые земли для миссионерской деятельности?

Вот вопросы, на которые нам предстоит ответить. Заметим пока лишь, что обстоятельства его возникновения вполне объясняют преобладание критической и разрушительной работы, и из этого нельзя заключить об отсутствии созидательного потенциала. В действительности, будь то благодаря либерализму или благодаря консервативным инстинктам человечества, работа восстановления шла рука об руку с работой разрушения и от поколения к поколению становилась всё важнее.

Современное государство, как я покажу, во многом воплощает элементы либерального принципа, и когда мы увидим, каковы они и в какой мере они в действительности осуществлены, мы окажемся в лучшем положении для того, чтобы понять суть либерализма и решить вопрос о его непреходящей ценности.

[1] Это, разумеется, лишь одна сторона средневековой теории, но именно та, которая была ближе всего к фактам. Противоположный взгляд, выводящий власть правительства из воли управляемых, появился в Средние века отчасти под влиянием классической традиции. Но его главный интерес и значение в том, что он послужил отправной точкой для мысли более позднего времени. По данному предмету в целом читатель может обратиться к работе Гирке «Политические теории Средневековья» в переводе Мейтленда (Cambridge University Press) [Прим. пер.: Otto von Gierke, *Political Theories of the Middle Age*, trans. F.W. Maitland, 1900].

Глава II. Элементы либерализма

Я не могу предпринять здесь даже беглый очерк исторического хода освободительного движения. Я хотел бы лишь обратить внимание на главные пункты, в которых оно атаковало старый порядок, и на основополагающие идеи, направлявшие его продвижение.

1. Гражданская свобода

И логически, и исторически первым объектом атаки является произвольное правление, а первая свобода, которую необходимо обеспечить, есть право на обращение в соответствии с законом. Человек, не имеющий никаких юридических прав по отношению к другому и всецело находящийся в его распоряжении, с которым обращаются по его прихоти, является рабом этого другого. Он «бесправен», лишён прав. В некоторых варварских монархиях система бесправия подданных по отношению к королю временами проводилась вполне последовательно. В таких государствах мужчины и женщины, хотя и пользуясь обычными правами в отношении личности и собственности друг друга, не имели совершенно никаких прав, которые могли бы противопоставить королевской воле. Ни один европейский монарх или сеньор никогда открыто не обладал властью подобного рода, однако европейские правительства в разные эпохи и в различных областях осуществляли или притязали на власть, не менее произвольную по своей сути.

Так, наряду с обычными судами, которые предусматривают определённые наказания за определённые правонарушения, доказанные в ходе надлежащего судебного разбирательства, произвольные правительства прибегают к различным формам внесудебного ареста, задержания и наказания, зависящим исключительно от их собственной воли и усмотрения. Таков характер наказания «административным» порядком в России в настоящее время [Прим. пер.: имеется в виду практика административной ссылки в Российской империи начала XX в.]; заточения посредством **lettre de cachet** (королевского приказа об аресте) во Франции при **ancien régime**; всех казней по так называемому военному закону во времена мятежей и приостановления различных обычных гарантий немедленного и справедливого суда в Ирландии. Произвольное правление в этой форме стало одним из первых объектов атаки со стороны английского парламента в XVII веке, и эта первая свобода подданного была утверждена Петицией о праве, а затем снова Актом о Хабеас корпус [Прим. пер.: Петиция о праве (Petition of Right, 1628) ограничивала произвольные аресты и налогообложение без согласия парламента. Акт о Хабеас корпус (Habeas Corpus Act, 1679) гарантировал право задержанного на судебную проверку законности ареста]. Весьма показательно, что этот первый шаг к свободе в действительности представляет собой не более и не менее как требование закона. «Свобода людей при правительстве, — говорит Локк, подводя итог целой главе споров XVII столетия, — состоит в том, чтобы жить по постоянному правилу, общему для каждого члена этого общества и установленному учреждённой в нём законодательной властью».

Первое условие всеобщей свободы, иначе говоря, есть мера всеобщего ограничения. Без такого ограничения одни люди могут быть свободны, но другие будут несвободны. Один человек может делать всё, что пожелает, но у остальных не будет иной воли, кроме той, которую он сочтёт нужным им дозволить. Если взглянуть на это с другой стороны, первое условие свободного правления состоит в том, что это правление осуществляется не по произвольному решению правителя, а по установленным нормам закона, которым подчинён и сам правитель. Отсюда мы делаем важный вывод: между свободой и законом нет сущностного противоречия. Напротив, закон необходим для свободы. Закон, разумеется, ограничивает индивида; следовательно, он противоположен его свободе в данный момент и в данном направлении. Но в равной мере закон удерживает других от того, чтобы обращаться с ним по собственному усмотрению. Он освобождает человека от страха произвольного насилия или принуждения, и это

единственный путь, более того, единственный смысл, в котором свобода *для всего сообщества* вообще достижима.

В этом рассуждении молчаливо предполагается один пункт, который не следует упускать из виду. Утверждая, что верховенство закона гарантирует свободу всему сообществу, мы предполагаем, что закон беспристрастен. Если для правительства существует один закон, а для подданных другой, один для знати и другой для простолюдинов, один для богатых и другой для бедных, то закон не гарантирует свободы для всех. Свобода в этом отношении предполагает равенство. Отсюда требование либерализма о такой процедуре, которая обеспечит беспристрастное применение закона. Отсюда требование независимости судебной власти для обеспечения равенства между правительством и его подданными. Отсюда требование доступной по стоимости процедуры и доступных судов. Отсюда упразднение сословных привилегий.[2] Отсюда со временем придёт и требование упразднить возможность покупать за деньги искусственную защиту в суде.

2. Налоговая свобода

Тесно связан с правовой свободой и гораздо шире ощутим в повседневной жизни вопрос о налоговой свободе. Стюарты довели дело до кризиса в этой стране произвольным налогообложением. Георг III довёл дело до кризиса в Америке тем же безошибочным методом. Непосредственной причиной Французской революции стал отказ дворянства и духовенства нести свою долю финансового бремени. Однако налоговая свобода ставит более глубокие вопросы, нежели правовая. Недостаточно, чтобы налоги были установлены законом, применяемым всеобщее и беспристрастно, ибо налоги меняются из года в год в соответствии с общественными нуждами. Если прочие законы могут оставаться неизменными на протяжении неопределённого срока, то налогообложение по самой природе своей должно быть гибким. Это вопрос скорее для исполнительной, нежели для законодательной власти. Поэтому свобода подданного в налоговых делах означает ограничение исполнительной власти не просто установленными и записанными законами, но более прямым и постоянным надзором. Она означает, одним словом, ответственное правление, и именно поэтому мы гораздо чаще слышали лозунг «Никакого налогообложения без представительства», нежели лозунг «Никакого законодательства без представительства». Таким образом, начиная с XVII века налоговая свобода, как стало очевидным, влечёт за собой то, что называют политической свободой.

3. Личная свобода

О политической свободе нам удобнее будет сказать позднее. Но здесь следует заметить, что существует и другой путь, которым можно к ней прийти и которым к ней фактически шли. Мы видели, что верховенство закона является первым шагом к свободе. Человек не свободен, когда им управляют другие люди; он свободен лишь тогда, когда подчиняется принципам и правилам, которым должно следовать всё общество, ибо подлинным хозяином свободного человека является сообщество. Но здесь мы лишь в начале пути. Закон может существовать, и попыток отвергнуть его, подобно тем, что предпринимали Стюарты, может не быть; и всё же (1) создание и поддержание закона может зависеть от воли суверена или олигархии и (2) содержание закона может быть несправедливым и угнетающим по отношению к некоторым, ко многим или ко всем, кроме тех, кто его создаёт. Первый пункт возвращает нас к проблеме политической свободы, которую мы откладываем. Второй открывает вопросы, занимавшие значительную часть истории либерализма, и чтобы разобраться в них, нам необходимо спросить: какие типы законов воспринимались как особенно гнетущие и в каких отношениях было необходимо требовать свободы не просто через закон, но путём отмены дурных законов и тиранического управления.

Прежде всего существует сфера так называемой личной свободы, область, которую труднее всего определить, но которая была ареной самой ожесточённой борьбы страстей и глубочайших чувств человечества. В основе лежит свобода мысли, свобода от инквизиции в отно-

шении убеждений, которые человек формирует в собственном сознании[3], та внутренняя цитадель, где, если где-либо вообще, индивид должен быть полновластным хозяином. Но свобода мысли мало чего стоит без свободы обмениваться мыслями, поскольку мысль есть преимущественно продукт социального взаимодействия. Поэтому вместе со свободой мысли идут свобода слова, свобода письма, печати и мирной дискуссии.

Эти права не свободны от затруднений и двусмысленностей. Существует граница, на которой речь становится неотличимой от действия, и свобода слова может означать право создавать беспорядок. Пределы справедливой свободы здесь нелегко провести ни в теории, ни на практике. Они немедленно подводят нас к одному из тех пунктов, где свобода и порядок могут вступать в конфликт, и именно с конфликтами подобного рода нам предстоит иметь дело. Возможности конфликта не менее значительны в отношении связанного с этим права на свободу вероисповедания. Утверждать, что эта свобода абсолютна, невозможно. Ни одно современное государство не потерпело бы формы религиозного культа, включающей каннибализм, человеческие жертвоприношения или сожжение ведьм. По существу, практики подобного рода, вполне естественно вытекающие из различных форм примитивных верований, которых придерживаются с величайшей искренностью, обыкновенно подавляются цивилизованными народами, ответственными за управление менее развитыми народами. Британский закон признаёт полигамию в Индии, но я полагаю, что ни мусульманину, ни индусу не было бы дозволено заключить два брака в Англии. И не за свободу такого рода велась борьба.

Что же тогда составляет первичный смысл свободы вероисповедания? С внешней стороны, я полагаю, она включает свободу мысли и выражения и добавляет к ним право на отправление культа в любой форме, которая не причиняет вреда другим и не влечёт за собой нарушение общественного порядка. Это ограничение, по-видимому, несёт с собой определённую сдержанность и тактичность в выражениях, избегающую ненужного оскорбления чувств других людей. Полагаю, это следствие необходимо признать, хотя оно оставляет некоторое пространство для натянутых и несправедливых толкований.

С внешней стороны необходимо также отметить, что требование свободы вероисповедания вскоре выходит за пределы простой веротерпимости. Свобода вероисповедания неполна до тех пор, пока какое-либо верование наказуется, например влечёт за собой отстранение от должности или лишение доступа к образованию. И в этом отношении полная свобода предполагает полное равенство.

Если обратиться к внутренней стороне, дух религиозной свободы покоится на представлении о том, что религия человека принадлежит к самым сокровенным его мыслям и чувствам. Это наиболее конкретное выражение его личного отношения к жизни, к себе подобным, к миру, к собственному происхождению и предназначению. Нет подлинной религии, которая не была бы насквозь пропитана личностью; и чем более религия осознаётся как духовное начало, тем разительнее ощущается противоречие в любой попытке навязать религию другому. При правильном рассмотрении такая попытка не преступна, а невозможна. Однако более всего грешат против истинной религии те, кто пытается обращать людей извне, механическими средствами. Они носят ложь в душе, будучи в глубочайшем неведении относительно природы того, что переживают так глубоко.

И всё же здесь мы вновь натываемся на затруднения. Религия личностна. Но разве религия не является в высшей степени социальным явлением? Что более жизненно для общественного порядка, чем его верования? Если мы сажаем человека в тюрьму за кражу безделицы, что нам делать с тем, кто, по нашему убеждению и чести, развращает сердца людей и, быть может, ведёт их к вечной гибели? И что, во имя свободы, нам делать с людьми, чья проповедь, будучи претворена в действие, вернула бы дыбу и костёр? Здесь вновь возникает трудность разграничения, которую необходимо будет тщательно разобрать. Замечу лишь, что наша практика пришла к решению, которое в целом до сих пор работало удовлетворительно и имеет

корни в принципе. Человек вправе проповедовать принципы Торквемады или религию Магомета [Прим. пер.: Торквемада (Tomás de Torquemada, 1420–1498) — первый великий инквизитор Испании, ставший символом религиозных гонений]. Но люди не вправе практиковать те из их предписаний, которые нарушали бы права других или вели бы к нарушению мира. Выражение свободно, и отправление культа свободно, поскольку оно является выражением личной преданности. Но в той мере, в какой они посягают на свободу или, шире, на права других, практики, предписываемые какой-либо религией, не могут пользоваться безоговорочной свободой.

4. Социальная свобода

От духовной стороны жизни мы переходим к практической. Здесь следует отметить, во-первых, что либерализму пришлось бороться с теми ограничениями индивида, которые вытекают из иерархической организации общества и закрепляют определённые должности, определённые виды занятий, а также, возможно, право или по крайней мере возможность получения образования за людьми определённого ранга или сословия. В своей крайней форме это кастовая система, а её ограничения имеют религиозный или юридический характер наряду с социальным. В Европе она принимала не одну форму. Это монополия определённых занятий корпорациями, занимавшая умы французских реформаторов XVIII века. Это закрепление государственных назначений и церковного патронажа за теми, кто «рождён», а также более тонко проникающий дух сословности, порождающий враждебное отношение к тем, кто мог бы и стремился бы подняться. Этот дух находит себе более материального союзника в образовательных трудностях, которые преграждают путь способным людям, не наделённым богатством.

Мне нет нужды подробно разяснять то, что очевидно каждому, но я вновь должен отметить два обстоятельства. (1) И здесь борьба за свободу, доведённая до конца, является одновременно борьбой за равенство. Свобода выбирать и следовать занятию, если она должна стать полностью действенной, означает равенство с другими в возможностях для этого занятия. Это, в сущности, одно из тех соображений, которые побуждают либерализм поддерживать национальную систему бесплатного образования и поведут его ещё дальше по тому же пути. (2) И вновь, хотя мы можем настаивать на правах индивида, невозможно игнорировать социальную ценность корпорации или квазикорпорации, такой как профессиональный союз. Опыт показывает необходимость определённой меры коллективного регулирования в вопросах промышленности, а при согласовании такого регулирования с индивидуальной свободой возникают серьёзные трудности принципиального характера. Нам предстоит обратиться к ним в следующем разделе. Но один момент уместен уже на данном этапе. Из либерального принципа явно следует, что членство в корпорации не должно зависеть от какой-либо наследственной квалификации и не должно быть обставлено искусственными трудностями вступления, где под «искусственными» подразумеваются те, которые не вытекают из природы самого занятия, а предназначены для целей исключительности. Против всех подобных методов ограничения позиция либерализма недвусмысленна.

Необходимо лишь добавить, что ограничения по признаку пола во всех отношениях аналогичны сословным ограничениям. Несомненно, существуют занятия, для которых женщины непригодны. Но если это так, критерия пригодности достаточно, чтобы их исключить. «Открытая дорога для женщин» есть одно приложение, и весьма значительное, принципа «открытой дороги для таланта», и обеспечить и то и другое составляет самую суть либерализма.

5. Экономическая свобода

Помимо монополий, промышленность в ранний период Нового времени была скована ограничительным законодательством различного рода, навигационными актами и тарифами. В частности, тариф был не просто препятствием для свободного предпринимательства, но и источником неравенства между различными отраслями торговли. Его основной эффект состоит в перемещении капитала и труда с тех объектов, где они могут быть наиболее при-

быльно задействованы в данной местности, на те, где они задействованы менее прибыльно, посредством субсидирования одних отраслей в ущерб интересам потребителя в целом. И здесь либеральное движение представляет собой одновременно атаку на препятствие и на неравенство. В большинстве стран атака увенчалась успехом: местные тарифы были сломлены и установажены относительно крупные зоны свободной торговли. Лишь в Англии, и лишь благодаря раннему промышленному превосходству этой страны, удалось полностью преодолеть принцип протекционизма. И даже в Англии протекционистская реакция, несомненно, одержала бы по крайней мере временную победу, если бы не зависимость страны от иностранных государств в отношении продовольствия и промышленного сырья. Самая яркая победа либеральных идей оказалась одной из самых непрочных. В то же время это битва, которую либерализм всегда готов вести заново. Она не привела ни к обратному удару, ни к контрдвижению в самих либеральных рядах.

Иначе обстоит дело с организованными ограничениями промышленности. Старые регламенты, совершенно не отвечавшие условиям своего времени, либо вышли из употребления в XVIII веке, либо были формально отменены в первые годы промышленной революции. На некоторое время казалось, что ничем не ограниченное промышленное предпринимательство станет прогрессивным лозунгом эпохи, и отголоски того времени слышны до сих пор. Но старые ограничения ещё не были формально упразднены, когда начался новый процесс регулирования. Условия, порождённые новой фабричной системой, потрясли общественную совесть; и уже в 1802 году мы находим первый из длинной серии законов, из которых вырос промышленный кодекс, из года в год всё более детально регулирующий жизнь рабочего в его отношениях с работодателем.

Первые этапы этого движения многие люди либеральных убеждений наблюдали с сомнением и недоверием. Намерение, несомненно, состояло в защите более слабой стороны, но метод заключался во вмешательстве в свободу договора. Между тем свобода здравомыслящего взрослого индивида (даже такие убеждённые индивидуалисты, как Кобден, признавали, что дело детей стоит особняком) предполагала право заключать такие соглашения, какие казались наилучшими для его собственных интересов, и включала как право, так и обязанность самому определять течение своей жизни. Свобода договора и личная ответственность лежали в самом сердце всего либерального движения. Отсюда сомнения, которые испытывали столь многие либералы в отношении законодательного регулирования промышленности. Тем не менее с течением времени люди самых горячих либеральных убеждений стали не просто принимать, но с энтузиазмом продвигать расширение государственного контроля в промышленной сфере, коллективной ответственности в деле образования и даже питания детей, обеспечения жильём рабочего населения, заботы о больных и престарелых, создания условий для постоянной занятости. В этом отношении либерализм, казалось бы, определённо отступил от своих прежних позиций, и нам предстоит тщательно разобраться в вопросе, представляет ли это отступление перемену принципа или лишь перемену в его применении.

Со свободой договора тесно связана свобода объединений. Если люди могут заключать любые соглашения друг с другом в своих взаимных интересах, не причиняя вреда третьей стороне, то они, казалось бы, могут договориться действовать совместно на постоянной основе для любых целей общего интереса на тех же условиях, то есть образовывать объединения. Однако по существу полномочия объединения представляют собой нечто весьма отличное от полномочий составляющих его индивидов, и лишь в силу юридического педантизма можно пытаться регулировать поведение объединения на принципах, выведенных из отношений между индивидами и пригодных для них. Объединение может стать настолько могущественным, что превратится в государство в государстве и будет состязаться с правительством на вполне равных условиях. История некоторых революционных обществ, некоторых церковных организаций, даже некоторых американских трестов могла бы быть приведена в доказательство того, что

эта опасность отнюдь не воображаема. Но даже не доходя до этого, объединение может действовать деспотически по отношению к посторонним и даже к собственным членам, и функция либерализма может состоять скорее в защите индивида от власти объединения, нежели в защите права на объединение от ограничений закона.

В действительности в этом вопросе принцип свободы работает в обоих направлениях, и это двойное применение отражено в истории. Эмансипация профессиональных союзов, охватывающая период с 1824 по 1906 год и, возможно, ещё не завершённая, была по преимуществу освободительным движением, поскольку объединение было необходимо, чтобы поставить рабочего в условия, приближающиеся к равенству с работодателем, и поскольку негласные объединения работодателей в действительности никогда не могли быть предотвращены законом. Это было, таким образом, движение к свободе через равенство. С другой стороны, деспотические возможности профессионального союза никогда нельзя было сбрасывать со счетов, тогда как объединения капитала, которые могут быть неизмеримо более могущественными, по справедливости вызывали недоверие. В этом нет непоследовательности принципа, но есть верная оценка реального различия обстоятельств. В целом можно сказать, что функция либерализма состоит не столько в том, чтобы отстаивать общее право на свободу объединений, сколько в том, чтобы определять это право в каждом конкретном случае на таких условиях, которые обеспечивали бы максимум подлинной свободы и равенства.

6. Свобода семейной жизни

Из всех объединений внутри государства миниатюрное сообщество семьи является наиболее универсальным и обладает сильнейшей независимой жизнеспособностью. Авторитарное государство отражалось в авторитарной семье, в которой муж в широких пределах являлся абсолютным хозяином личности и имущества жены и детей. Движение освобождения заключается (1) в превращении жены в полностью правоспособную личность, способную владеть собственностью, выступать в суде в качестве истца и ответчика, вести дела от своего имени и пользоваться полной личной защитой от мужа; (2) в установлении брака, насколько это касается закона, на чисто договорной основе с предоставлением сакрального аспекта брака обрядам той религии, которую исповедуют стороны; (3) в обеспечении физического, умственного и нравственного воспитания детей: отчасти через возложение определённых обязанностей на родителей и наказание их за пренебрежение, отчасти через создание государственной системы образования и гигиены.

Первые два направления представляют собой достаточно типичные случаи взаимозависимости свободы и равенства. Третье чаще рассматривается как социалистическая, нежели либеральная тенденция, и в действительности государственный контроль над образованием порождает ряд глубоких принципиальных вопросов, которые до сих пор не получили полного разрешения. Если в целом образование является обязанностью, которую государство вправе навязывать, то существует и уравновешивающее право выбора направления образования, которое было бы неразумно игнорировать, и способ согласования этих начал до сих пор не определён удовлетворительно ни в теории, ни на практике. Я бы, однако, решительно настаивал на том, что общая концепция государства как «сверхродителя» является столь же подлинно либеральной, сколь и социалистической. Она лежит в основе прав ребёнка, его защиты от родительского пренебрежения, равенства возможностей, на которое он может притязать как будущий гражданин, его подготовки к тому, чтобы занять своё место взрослым человеком в общественной системе. Свобода вновь предполагает контроль и ограничение.

7. Местная, расовая и национальная свобода

От наименьшей социальной единицы мы переходим к наибольшей. Значительная часть освободительного движения связана с борьбой целых наций против иноземного владычества: с восстанием Европы против Наполеона, с борьбой Италии за свободу, с судьбой христианских подданных Турции, с освобождением негров, с национальным движением в Ирландии и

в Индии. Многие из этих борений представляют проблему свободы в её простейшей форме. Слишком часто речь шла и идёт о завоевании элементарнейших прав для более слабой стороны; а те, кого этот призыв не трогает, испытывают скорее недостаток воображения, нежели логики или нравственного чувства.

Но за национальными движениями встают весьма непростые вопросы. Что такое нация в отличие от государства? Какого рода единство она представляет и каковы её права? Если Ирландия — нация, является ли нацией Ольстер? А если Ольстер есть британская и протестантская нация, что сказать о католической половине Ольстера? История в некоторых случаях дала нам практический ответ. Она показала, что, пользуясь даром ответственного правления, французы и британцы, вопреки всем историческим распрям и всем различиям религии, языка и общественного устройства, слились в единую канадскую нацию. История подтвердила убеждение, что Германия была нацией, и обратила в посмешище презрительное изречение Меттерниха о том, что Италия — лишь географическое понятие [Прим. пер.: Клеменс фон Меттерних (1773–1859) — австрийский государственный деятель, канцлер Австрийской империи. Его знаменитая фраза была произнесена в 1847 г.]. Но как предвосхитить историю, какие права предоставить народу, заявляющему о себе как о самоопределяющейся единице, решить не так просто.

Несомненно, общая тенденция либерализма состоит в том, чтобы благоприятствовать автономии. Однако, сталкиваясь с проблемами дробления и сложного переплетения групп, он вынужден полагаться на конкретные уроки истории и практическую мудрость государственного искусства в определении границ автономии. Существует, однако, один эмпирический критерий, который представляется применимым в целом. Там, где более слабая нация, включённая в состав более крупной или более сильной, может управляться обычным законом, применимым к обеим сторонам союза и отвечающим всем обычным принципам свободы, такое устройство может быть наилучшим для обеих сторон. Но там, где эта система даёт сбой, где правительство вынуждено постоянно прибегать к исключительному законодательству или, быть может, к свёртыванию либеральных начал в собственных институтах, ситуация становится неотложной. В таких условиях самая либерально настроенная демократия поддерживает систему, которая неизбежно подрывает её собственные принципы. Ассирийский завоеватель, замечает Герберт Спенсер, изображённый на барельефах ведущим пленника на верёвке, сам связан этой верёвкой. Он утрачивает свою свободу, пока сохраняет свою власть.

Несколько сходные вопросы возникают в связи с расой, которую многие ошибочно смешивают с национальностью. Что касается элементарных прав, здесь не может быть вопроса об отношении либерализма. Когда же в поле зрения появляется политическая власть, которая должна гарантировать эти права, возникают вопросы факта. Способен ли негр или кафр умственно и нравственно к самоуправлению или к участию в самоуправляющемся государстве? Опыт Капской колонии склоняет к утвердительному ответу. Американский опыт с неграми даёт, насколько я могу судить, более сомнительный ответ. Внешне убедительное расширение прав белого человека на чёрного может оказаться лучшим способом погубить чёрного. Разрушить племенной уклад, внедряя понятия индивидуальной собственности, свободного отчуждения земли и свободной покупки джина, может быть удобнейшим методом для экспроприатора.

Во всех отношениях с более слабыми народами мы движемся в атмосфере, отравленной неискренним употреблением громких слов. Если люди говорят «равенство», они имеют в виду угнетение под маской правосудия. Если они говорят «опека», они, по-видимому, имеют в виду опеку, какую оказывают откармливаемому гусю. В такой атмосфере, пожалуй, наш самый надёжный путь, насколько вообще помогают принципы и выводы из них, состоит в том, чтобы сосредоточить внимание на сути дела и в любой части мира поддерживать тот метод, который обеспечивает «цветному» человеку защиту от личного насилия, от плети, от экспроприации и

от джина; и прежде всего, насколько это ещё возможно, от самого белого человека. Пока белый человек не научится в полной мере управлять собственной жизнью, лучшее, что он может сделать с темнокожим, это ничего с ним не делать. В этом отношении день более созидательного либерализма ещё впереди.

8. Международная свобода

Если невмешательство есть лучшее, что можно сделать для варвара, многие либералы считали его высшей мудростью и в международных делах вообще. Я рассмотрю этот взгляд позднее. Здесь лишь замечу: (1) Для либерализма существенно противодействовать применению силы, которая лежит в основе всякой тирании. (2) Одна из его практических задач — противостоять тирании вооружений. Военная сила может быть не только прямо обращена против свободы, как в России, но существуют и более тонкие способы, какие мы видим в Западной Европе, посредством которых военный дух разъедает свободные институты и поглощает общественные ресурсы, которые могли бы пойти на развитие цивилизации. (3) По мере того как мир становится свободным, применение силы утрачивает смысл. Нет цели в агрессии, если она не ведёт к той или иной форме национального порабощения.

9. Политическая свобода и народный суверенитет

Под всеми этими вопросами о правах лежит вопрос о том, каким образом они могут быть обеспечены и сохранены. Посредством установления ответственности исполнительной и законодательной власти перед всем сообществом? Таков общий ответ, и он указывает на одну из линий связи между общей теорией свободы и учением о всеобщем избирательном праве и суверенитете народа. Однако этот ответ не охватывает всех возможных ситуаций. Народ в целом может быть безразличен к своим правам и неспособен ими распорядиться. Он может быть увлечён завоеванием других, экспроприацией богатых или какой-либо формой коллективной тирании или безумия. Вполне возможно, что с точки зрения общей свободы и общественного прогресса ограниченное избирательное право даст лучшие результаты, нежели более широкое. Даже в этой стране можно обоснованно утверждать, что расширение избирательного права в 1884 году на протяжении нескольких лет тормозило развитие свободы в различных направлениях [Прим. пер.: имеется в виду Третья парламентская реформа (Representation of the People Act, 1884), распространившая избирательное право на сельское население Великобритании].

На какой теории основан принцип народного суверенитета и в каких пределах он справедлив? Является ли он частью общих принципов свободы и равенства, или здесь задействованы иные идеи? Вот вопросы, которые нам предстоит рассмотреть.

Итак, мы обозрели основные фазы либерального движения в весьма сжатом виде и прежде всего отметили, что оно сопряжено с жизнью во всей её полноте. Оно касается индивида, семьи, государства. Оно затрагивает промышленность, право, религию, нравственность. Было бы нетрудно, если бы позволяло пространство, показать его влияние в литературе и искусстве, описать войну с условностью, неискренностью и патронажем, борьбу за свободное самовыражение, за подлинность, за душу художника. Либерализм есть всепроникающий элемент жизненной ткани современного мира.

Во-вторых, это действенная историческая сила. Если его работа нигде не завершена, она почти повсюду продолжается. Современное государство, каким мы видим его в Европе за пределами России, в британских колониях, в Северной и Южной Америке, каким мы начинаем его видеть в Российской империи и на всём огромном континенте Азии, представляет собой старое авторитарное общество, в большей или меньшей степени преобразованное усвоением либеральных принципов.

Обращаясь, в-третьих, к самим этим принципам, мы признали в либерализме на каждом поприще движение, вполне оправдывающее своё название: движение освобождения, расчистку препятствий, открытие каналов для свободного, спонтанного течения жизненной деятельно-

сти. В-четвёртых, мы увидели, что во множестве случаев то, что с одной стороны является движением за свободу, с другой стороны оказывается движением к равенству, и привычная связь этих принципов тем самым подтверждается.

С другой стороны, мы увидели многочисленные случаи, в которых точное определение свободы и конкретный смысл равенства остаются неясными, и обсуждение этих случаев станет нашей задачей. Мы, кроме того, рассматривали либерализм преимущественно в его раннем, более негативном аспекте. Мы видели его как силу, действующую внутри старого общества и преобразующую его ослаблением уз, которые его структура налагала на человеческую деятельность. Нам ещё предстоит спросить, какая созидательная социальная схема, если таковая вообще возможна, может быть выстроена на либеральных принципах. Именно здесь, если где-либо вообще, должен проявиться более полный смысл принципов свободы и равенства и определиться способы их применения. Проблема народного суверенитета указала на ту же потребность.

Таким образом, линии нашей дальнейшей работы ясно обозначены. Нам необходимо добраться до основ либерализма и рассмотреть, какого рода здание можно воздвигнуть на предлагаемом ими фундаменте. Мы подойдём к этому вопросу, проследив историческое движение либеральной мысли через ряд хорошо различимых этапов. Мы увидим, как обозначенные проблемы атаковались сменяющимися друг друга мыслителями и как частичные решения давали повод для более глубоких изысканий. Следуя ходу самого движения идей, мы достигнем средоточия и сердцевины либерализма и попытаемся составить представление о существенных началах либерального учения как созидательной теории общества. Это представление мы затем приложим к важнейшим политическим и экономическим вопросам нашего времени, что позволит нам, наконец, оценить нынешнее положение либерализма как живой силы в современном мире и перспективы превращения его идеалов в действительность.

[2] В Англии «привилегия духовенства» (*benefit of clergy*) всё ещё оставалась уважительным основанием для смягчения наказания за ряд преступлений в XVII веке. В то время все умеющие читать могли претендовать на эту привилегию, которая, таким образом, носила характер привилегии для образованного сословия. Требование грамотности, ставшее формальностью, было отменено в 1705 году, но пэры и лица в священном сане всё ещё могли ссылаться на свою принадлежность к духовенству в XVIII веке, а последние остатки этой привилегии были окончательно упразднены лишь в XIX веке. [Прим. пер.: *Benefit of clergy* — средневековая правовая привилегия, первоначально освобождавшая клириков от подсудности светским судам, а впоследствии распространившаяся на всех грамотных людей.]

[3] См. интересную главу в работе Фаге «Либерализм» (*Liberalisme*), где указывается, что расхожее выражение «мысль свободна» опровергается любым дознанием, которое принуждает человека раскрывать свои убеждения и карает его, если они не угодны дознавателю. [Прим. пер.: Эмиль Фаге (Émile Faguet, 1847–1916) — французский литературный критик и историк идей.]

Глава III. Движение теории

Великие перемены не совершаются одними лишь идеями, но и без идей они невозможны. Страсти людей должны быть разбужены, если предстоит сломать лёд обычая или разорвать цепи власти; однако сама по себе страсть слепа, и мир её хаотичен. Чтобы действовать результативно, люди должны действовать сообща, а чтобы действовать сообща, им необходимо общее понимание и общая цель. Когда встаёт вопрос о сколько-нибудь глубоких преобразованиях, недостаточно просто ясно осознавать свою непосредственную задачу. Нужно убеждать других, вызывать сочувствие, привлекать на свою сторону сомневающихся. В целом необходимо показать, что цель достижима, что она совместима с существующими институтами или, по крайней мере, с какой-то работоспособной формой общественной жизни.

Таким образом, сами требования момента подталкивают людей к разработке идей, а в конечном счёте к некоему подобию социальной философии. И те философии, за которыми стоит реальная движущая сила, рождаются именно так: из практических запросов человеческого чувства. Философии же, остающиеся бездейственными и академическими, создаются абстрактным размышлением, без связи с жаждающими душами людей.

Правда, в Англии, где люди склонны чуждаться теории и чувствовать себя в ней неуверенно, либеральное движение нередко стремилось обойтись без общих принципов. На ранних стадиях и в более умеренных формах оно добивалось своих целей под прикрытием конституционализма. В противовес притязаниям монархии Стюартов существовали не только философские доводы, но и историческая аргументация, и ранние лидеры парламента опирались скорее на прецедент, чем на принцип. Этот метод закрепился в вигской традиции и сохраняется до нашего времени как один из элементов, составляющих действующую конституцию либерального сознания. Это, если угодно, консервативный элемент в либерализме: ценный для сопротивления посягательствам, ценный для обеспечения преемственности развития, но недостаточный для целей созидания.

Отстаивать старый порядок в изменившихся обстоятельствах может означать, по существу, начало революции. Именно так обстоит дело в XVII веке. Пим [Прим. пер.: Джон Пим (John Pym, 1584–1643), один из лидеров парламентской оппозиции Карлу I] и его сторонники могли найти обоснование своих требований в конституционной истории Англии, однако для этого им приходилось обращаться к эпохе, предшествовавшей и Стюартам, и Тюдорам; а применять принципы XIV и XV столетий в 1640 году означало фактически совершать революцию. И в наше время отстаивание прав Палаты общин против Палаты лордов выглядит на первый взгляд как приверженность старому конституционному праву. Но делать это в новых условиях, когда Палата общин стала представительницей нации в целом, означает в действительности впервые утвердить демократию на прочном основании, а это, в свою очередь, равносильно революции.

Те, кто совершает революцию, должны знать, куда ведут мир. Им необходима социальная теория. И в действительности наиболее последовательные сторонники движения всегда такую теорию имеют. Хотя, как мы заметили, теория вырастает из практических нужд, которые они ощущают, и потому склонна придавать идеям сугубо временной ценности характер вечных истин, это ещё не основание считать её второстепенной. Раз сформировавшись, она воздействует на умы своих приверженцев и придаёт их усилиям направление и единство. Она сама становится реальной исторической силой, и степень её стройности и убедительности имеет значение не только академическое, но и вполне практическое.

Более того, поступательный ход движения яснее постигается через анализ последовательных точек зрения, которые занимали его мыслители и государственные деятели, нежели через прослеживание извилистых поворотов политических событий и хитросплетений партийных

споров. Точка зрения естественным образом определяет весь метод рассмотрения проблем, будь то умозрительных или практических, а для историка она служит центром, вокруг которого идеи и политические курсы, пусть различающиеся и даже противоречащие друг другу, могут быть сгруппированы так, чтобы обнаружились их глубинные сходства.

Попробуем же определить основные точки зрения, которые занимало либеральное движение, и выделить главные типы теории, в которых страсть к свободе искала своего выражения.

Первый из этих типов я назову теорией естественного порядка.

Раннему либерализму приходилось иметь дело с авторитарной властью в церкви и государстве. Ему надлежало отстаивать основы личной, гражданской и экономической свободы, и, решая эту задачу, он опирался на права человека, а в той мере, в какой его вынуждали быть конструктивным, на предполагаемую гармонию естественного порядка. Власть притязала на сверхъестественную санкцию и божественное установление. Либеральная теория отвечала, по существу, что права человека основаны на законе Природы, а права правительства на человеческом установлении. Древнейшим «установлением» в этом воззрении был индивид, а первобытным обществом было естественное объединение людей под влиянием семейных привязанностей и ради взаимной помощи. Политическое общество было более искусственным устройством: соглашением, достигнутым с конкретной целью обеспечить лучший порядок и поддержать общую безопасность.

Возможно, как полагал Локк, оно было основано на договоре между королём и народом, который прекращал своё действие, если одна из сторон нарушала его условия. Или же, согласно воззрению Руссо, оно было по сути договором людей друг с другом: соглашением, посредством которого из множества противоречивых индивидуальных волей формировалась общая воля. Правительство могло быть учреждено как орган этой воли, но по самой природе вещей оно оставалось бы подчинённым народу, от которого получило власть. Народ был суверенен. Правительство было его уполномоченным.

Каковы бы ни были расхождения между этими теориями, те, кто от Локка до Руссо и Пейна работал в русле этих идей, сходились в понимании политического общества как ограничения, которому люди добровольно подчинили себя ради определённых целей. Политические институты были источником подчинения и неравенства. За ними и прежде них стояла совокупность свободных и равных индивидов. Но изолированный индивид был бессилён. Он обладал правами, ограниченными лишь соответствующими правами других, но не мог, если только случай не давал ему преимущества, обеспечить их соблюдение. Поэтому он находил наилучшим вступить в соглашение с другими о взаимном уважении прав и для этой цели учредить правительство, которое защищало бы его права внутри сообщества и оберегало сообщество от нападения извне.

Из этого следовало, что функция правительства ограничена и определима. Она состояла в том, чтобы поддерживать естественные права человека настолько точно, насколько позволяют условия общественной жизни, и не делать ничего сверх того. Любое дальнейшее действие, использующее принудительную силу государства, было по своей природе нарушением того соглашения, на котором покоилось правительство. Вступая в договор, индивид отказывался ровно от той доли своих прав, которую требовало подчинение общему правилу, и не более. Он отдавал свои естественные права и получал взамен гражданские права: нечто, возможно, менее полное, зато более действенное, поскольку опиралось на гарантию коллективной силы.

Если вы хотите узнать, каковы должны быть гражданские права человека в обществе, следует спросить: каковы естественные права человека[4] и в какой мере они неизбежно видоизменяются при согласовании взаимных притязаний людей друг к другу? Всякое вмешательство, выходящее за пределы этого необходимого согласования, есть угнетение. Гражданские

права должны как можно точнее соответствовать естественным правам, или, как выражается Пейн, гражданское право есть обменённое естественное право.

Эта концепция отношений государства и индивида надолго пережила теорию, на которой основывалась. Она лежит в основе всего учения манчестерской школы. Её дух был усвоен, как мы увидим, многими утилитаристами. Она действовала, хотя и с убывающей силой, на протяжении всего XIX века и прочно удерживается такими современными либералами, как Фаге [Прим. пер.: Эмиль Фаге (Émile Faguet, 1847–1916), французский литературный критик и политический мыслитель, автор книги «Либерализм» (1903)], которые откровенно отбрасывают её умозрительные основания и строят свои доводы на общественной пользе.

Сила этой концепции, по существу, не в её логических принципах, а в той цельности и последовательности, которую она придаёт взгляду на функции государства, отвечающему определённым потребностям современного общества. Пока эти потребности стояли на первом плане, теория сохраняла живую ценность. По мере того как они удовлетворялись и возникали новые потребности, появлялась необходимость в более полном и основательном принципе.

Но у теории природы была и другая сторона, которую нельзя упускать из виду. Если в этой теории правительство является помехой, а власть источником угнетения и застоя, то где же находятся источники прогресса и цивилизации? Очевидно, в действиях индивидов. Чем больше простора индивид получает для применения своих способностей, тем быстрее будет продвигаться общество в целом.

Здесь содержатся элементы важной истины, но каков вывод? Если индивид свободен, два любых индивида, каждый из которых преследует собственные цели, могут оказаться в конфликте. Именно возможность такого конфликта признавалась нашей теорией как основание и фундамент общества. Людям приходилось соглашаться на определённую меру взаимного ограничения, чтобы их свобода была действительной. Но в течение XVIII века, особенно в экономической сфере, возникло представление о том, что столкновение воле основано на непонимании и невежестве, а его вредные последствия усугубляются правительственным подавлением. В глубине вещей существует естественная гармония интересов. Поддерживайте внешний порядок, пресекайте насилие, обеспечьте людям владение их собственностью и принуждайте к исполнению договоров, а остальное устроится само собой.

Каждый человек будет руководствоваться личным интересом, но интерес поведёт его по линии наибольшей производительности. Если устранены все искусственные барьеры, он найдёт занятие, которое лучше всего соответствует его способностям, а это будет и то занятие, в котором он наиболее производителен и, следовательно, наиболее ценен для общества. Он вынужден будет продавать свои товары добровольному покупателю, а значит, должен посвятить себя производству вещей, в которых нуждаются другие, то есть вещей, имеющих общественную ценность. Он будет по предпочтению производить то, за что можно получить наивысшую цену, а это будет то, в чём в данное время, в данном месте и с учётом именно его способностей существует наибольшая потребность. Он найдёт работодателя, который заплатит ему больше всех, и это будет тот работодатель, которому он может принести наибольшую пользу.

Личный интерес, если он просвещён и не стеснён, приведёт его, коротко говоря, к поведению, совпадающему с общественным интересом. В этом смысле между индивидом и обществом существует естественная гармония. Верно, для её действительности может потребоваться определённый уровень образования и просвещённости. Чего она не требует, так это правительственного «вмешательства», которое всегда будет сковывать силы, содействующие её плавному и успешному действию. Правительство должно поддерживать правила игры, предоставив индивидам вести саму игру.

Теория естественных прав индивида дополняется, таким образом, теорией взаимной гармонии индивидуальных и общественных потребностей. Вместе они образуют концепцию человеческого общества, которая **prima facie** работоспособна, содержит важные элементы истины

и на протяжении значительного периода отвечала нуждам большого класса и многим потребностям общества в целом.

Однако при критическом рассмотрении теория обнаруживает с обеих сторон фундаментальные слабости, имеющие как историческое, так и теоретическое значение. Рассмотрим сначала концепцию естественных прав. Что это за права и на чём они основаны? По первому вопросу люди стремились к определённости. В качестве иллюстрации лучше всего привести ведущие статьи Декларации 1789 года.[5]

Статья I. Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные различия могут основываться лишь на общей пользе.

Статья II. Цель всякого политического союза есть сохранение естественных и неотчуждаемых прав человека.[6] Эти права суть свобода, собственность, безопасность (*la sûreté*) и сопротивление угнетению.

Статья III. Принцип всякого суверенитета по существу пребывает в нации...

Статья IV. Свобода состоит в возможности делать всё, что не наносит вреда другому; таким образом, осуществление естественных прав каждого человека имеет лишь те границы, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами. Эти границы могут быть установлены только законом.

Статья VI. Закон есть выражение общей воли. Все граждане имеют право лично или через своих представителей участвовать (*concourir*) в его создании.

Остальная часть этой статьи настаивает на беспристрастности закона и равном допуске всех граждан к государственным должностям. Декларация 1793 года более настойчива в вопросе равенства и более риторична. Статья III гласит: «Все люди равны по природе и перед законом».

Легко подвергнуть эти статьи придирчивой критике, полностью упустив из виду их дух. Я обращаю внимание лишь на один-два принципиальных момента.

(а) Какие именно права провозглашаются? «Безопасность» и «сопротивление угнетению» не являются принципиально различными правами и, более того, могут считаться охваченными определением свободы. Смысл, по существу, таков: «Безопасность в отношении свободы его личности и собственности есть право каждого человека». В такой формулировке видно, что это право предполагает существование упорядоченного общества и утверждает обязанность такого общества обеспечивать свободу своих членов. Право индивида, таким образом, не есть нечто независимое от общества, а один из принципов, которые должен признавать хороший общественный порядок.

(б) Заметим, что равенство ограничивается «общей пользой», а сфера свободы в конечном счёте определяется «законом». В обоих случаях нас отсылают от индивида к потребностям или решению общества в целом. Кроме того, в Декларации содержатся два определения свободы. (1) Свобода есть возможность делать всё, что не наносит вреда другому. (2) Свобода есть право, ограниченное тем, что другие должны пользоваться такими же правами. Важно учитывать, что эти два определения сильно расходятся между собой.

Если моё право ударить человека ограничено лишь его равным правом ударить меня, закон не должен вмешиваться, когда мы пускаем в ход кулаки. Если же, напротив, я не имею права причинять вред другому, закон должен вмешаться. Даже минимального размышления достаточно, чтобы увидеть: второй принцип более основателен, а уважение к равной свободе другого не является удовлетворительным определением свободы. Моё право не давать соседу спать, играя на рояле всю ночь, не уравнивается удовлетворительно его правом держать собаку, которая воеет всё время, пока играет рояль. Право «потогонного» хозяина платить голодную заработную плату не ограничивается удовлетворительно соответствующим правом его работника, которым тот воспользовался бы, будь он в состоянии навязать такие же условия кому-то ещё.

В целом, право причинять вред другому или извлекать из него выгоду недостаточно ограничивается правом этого другого отплатить тем же, если у него есть для этого возможность. Не существует права причинять вред другому; а если мы спросим, что есть вред, мы снова оказываемся отброшены к некоему общему принципу, который стоит выше индивидуального притязания делать что вздумается.

(в) Доктрина народного суверенитета покоится на двух принципах. (1) Утверждается, что суверенитет пребывает в нации. Закон есть выражение общей воли. Здесь «нация» мыслится как коллективное целое, как единство. (2) Каждый гражданин имеет право участвовать в создании закона. Здесь речь идёт об индивидуальном праве. Каково подлинное основание демократического представительства: единство национальной жизни или неотъемлемое право индивида быть выслушанным в том, что его касается?

Далее, и это очень серьёзный вопрос: что является высшей инстанцией, воля нации или права индивида? Допустим, нация сознательно принимает законы, отрицающие права индивида. Должны ли такие законы соблюдаться во имя народного суверенитета или нарушаться во имя естественных прав? Это реальная проблема, и на этих основаниях она, к сожалению, совершенно неразрешима.

Эти трудности были в числе соображений, которые привели к формированию второго типа либеральной теории. А то, что следует сказать о гармонии естественного порядка, можно рассмотреть вместе с этой второй теорией, к которой мы теперь перейдём и которая знаменита как принцип наибольшего счастья.

Бентам, посвятивший большую часть жизни разработке принципа наибольшего счастья как основы для общественного переустройства, прекрасно сознавал трудности, которые мы обнаружили в теории естественных прав. Так называемые права человека были для него не более чем анархическими софизмами. Они не основывались ни на каком ясно определенном принципе и не допускали доказательства. «Я говорю, что имею право». «А я говорю, что у вас нет такого права». Кто или что рассудит спорящих? Что представляет собой так называемый закон природы? Когда он был записан и чьей властью? На каком основании мы утверждаем, что люди свободны или равны? По какому принципу и в каких пределах мы можем отстаивать право собственности?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.